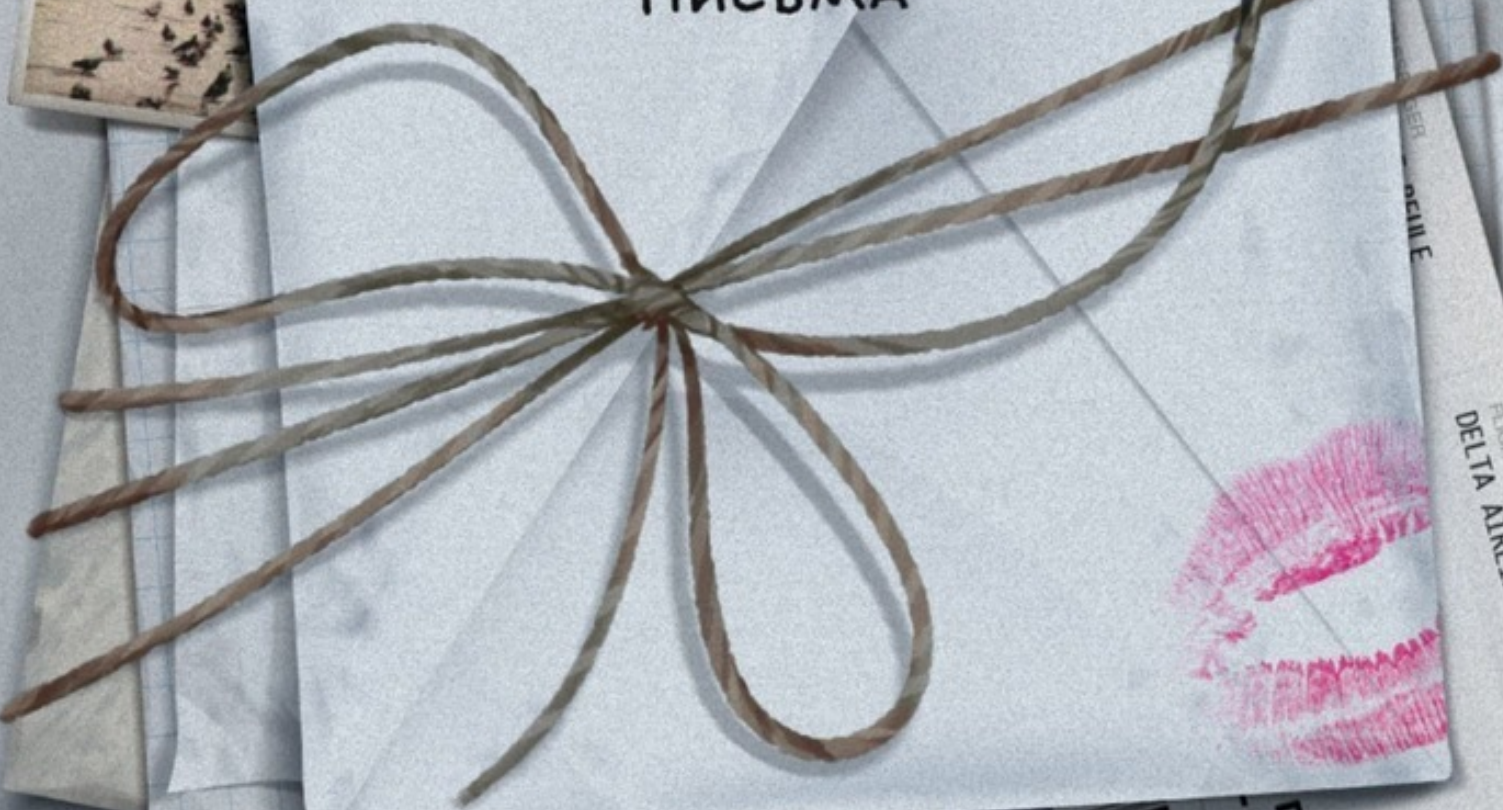

МИЛА РОМАНОВА

5 + 7

СОЖЖЁННЫЕ
ПИСЬМА

FLIGHT
DELTA AIRLINES DL31

5

Мила Романова

5 + 7: сожженные письма

«Издательские решения»

Романова М.

5 + 7: сожженные письма / М. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935824-0

Когда нужно проститься с человеком, который имел особое значение в жизни, рекомендуют сделать практику 5 +7. Написать от руки пять писем с болью, обвинениями, претензиями; а затем — семь писем с благодарностью. Каждое такое письмо нужно сжечь, его содержание никто не должен видеть. У вас есть возможность прочитать такие письма. Заглянуть через плечо человека, который пишет то, что думает и переживает. По-настоящему, а не «как принято». Без цензуры. Готовы?

ISBN 978-5-44-935824-0

© Романова М.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВОЕ ПИСЬМО	6
ВТОРОЕ ПИСЬМО	13
ТРЕТЬЕ ПИСЬМО	22
ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

5 + 7: сожженные письма

Ми́ла Рома́нова

Посвящается «ветеранам».

Иллюстратор Олег Гринько

© Мила Романова, 2018

© Олег Гринько, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-5824-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

За что, за что, за что???

Эта мысль билась в голове, пытаюсь проломить череп. Несколько месяцев, заевшей фразой на пластинке – за что, за что, за что?

За что ты так поступил со мной? Что я тебе сделала? Почему, как ты мог, как ты мог?

Тебе я тоже задавала этот вопрос. А ты уходил от ответа, ускользал, как медуза сквозь пальцы. Да! Медуза! У которой нет сердца. Ты знаешь, что у медуз нет сердца?

Отводил глаза, мямлил что-то вроде: «Мы с тобой это уже обсуждали» и «Ты не поймешь». Тебе было хорошо, ты слышал этот вопрос всего пару раз. Я слышала его сотнями тысяч.

Привет. Никогда еще я не писала тебе писем, которые ты не прочтешь. Это странно. С непривычки рука устает. Но...

Привет.

Я ненавижу тебя. Потому что ты – сволочь. Потому что ты – бессердечная скотина. Потому что ты – не такой, каким был.

За что? Мы были вместе девять лет, и я была счастлива. И ты! И ты был счастлив! Когда я спрашивала тебя, счастлив ли ты, ты всегда отвечал «да». Ты врал мне?

Или ты врешь сейчас?

Как ты мог – ТАК ПРОСТО сказать: «Давай поживем отдельно?»

«Пчелка, возможно я совершаю самую большую ошибку, но я действительно хочу пожить отдельно».

«Я забрал первые вещи, буду заезжать на неделе, чтобы забрать остальные».

Словно удар под дых. Тьма, гололед, яркий свет фар, визг шин и удар. Меня переехал КАМАЗ.

Открываю глаза, а в теле нет крови.

Помнишь ли ты, что говорил, когда решил уйти? Помнишь ли ты, что обещал?

Ненавижу тебя. Ненавижу за то, что ты тогда уже знал, что не вернешься. Ненавижу за то, что врал. Ненавижу за то, что уничтожил все, что у нас было. Что сам, в одностороннем порядке принял это решение. Фатальное. Для меня. Для нас. Ненавижу за то, что нарушил все свои обещания. Ненавижу, что был таким равнодушным. Ненавижу, ненавижу, ненавижу и не могу простить.

Что бы я там ни говорила тебе или нашим знакомым, я знаю, что не могу тебя простить.

Даже не понимаю, как это можно сделать.

Я сожгу это письмо сразу, как закончу. Надо сжечь. В этом суть практики. Написать письма, написать обо всем, что накопилось – претензии, боль, злость. В первых пяти письмах. Потом самое интересное. Потом мне нужно написать тебе семь писем с благодарностью. И прямо сейчас я не понимаю, за ЧТО тебя благодарить. Потому что уже год я живу в аду. Словно у меня отравлена кровь. Каждый день я пытаюсь найти хоть какой-то повод продолжать жить.

Надо избавиться от старого. Убрать лишнее, сжечь. Попрощаться.

Год. Бесконечный, мрачный, черный год.

Мало сил. Даже если бы сказали – умрешь через месяц – ощущение, что уже умерла.

Сегодня весь день пишет мама. Она до сих пор не знает, что мы разошлись. Да и помнит ли она, что я была замужем? Важна ли ей эта информация?

Пишет, пишет. Хочет общаться. Хотя наверняка ей снова нужны деньги. Ведь в моей жизни она появилась только тогда, когда появились они. Удобно. Родила, спихнула на бабушку, упорхнула. Словно так и правильно. Решила уйти, ушла. Решила вернуться, вернулась. Думает, в мою жизнь вернуться так же легко, как из нее уйти?

Хм. Ты тоже легко ушел. Просто написал смс. Просто забрал вещи.

Ты был готов к этому решению, ты сам его принял – уйти. Или пожить отдельно, как бы ты это ни назвал. Но для меня это было... Ударом камАЗа. Часть меня умерла в тот же момент, другая защитилась шоком от боли. В голове завывла сирена «Мы входим в Ночь!!!!»

Я, словно человек, соскальзывающий с ледника, пыталась ухватиться за любой выступ, за любую возможность видиться с тобой, разговаривать с тобой. Но уже тогда я понимала, что опоры под моими ногами и руками крошатся и тают, что еще немного, и я упаду в пропасть. И, если не умру сразу, то буду умирать медленно и мучительно.

И все же.

Ты важнее кислорода. Важнее инстинкта самосохранения.

Видеть тебя, говорить с тобой.

А приходя домой – выть. Реветь. Орать. Без сил вставать с пола. Не видеть смысла в том, чтобы просыпаться. Умываться. Есть. Куда-то идти.

За что ты так со мной?

Ты смотришь на меня светлыми, полными искреннего недоумения глазами.

«Что я такого сделал?»

Что?

Ты убил меня.

Ты знал, что я не получаю денег от организации мероприятий, что работаю в ивентах волонтером, за опыт. И пошла я туда на таких условиях, потому что ты обещал, что поддержишь меня. А я как-то решила, что после девяти лет могу довериться тебе. Ты знал, что я ушла из офиса и оказалась в начале профессионального пути. Ты знал, что я на гормональной терапии, чтобы повысить шансы забеременеть...

Ты знал. Ты знал. Ты все это знал!!!

И тем не менее сказал то, что сказал.

За что???

Я чуть не сошла с ума, пытаясь найти ответ. Иногда в моменты умственного просветления до меня доходило, что надо думать над вопросом «Что дальше?», но я не могла. Не могла.

«Я поживу отдельно».

Знаешь, после того как ты ушел, у меня нет ни минуты тишины. Ни минуты!!! В моей голове одновременно ревет несколько голосов.

Голос, который постоянно бубнит «ебнуться ебнуться ебнуться». Голос-близнец: «не ебнуться не ебнуться не ебнуться». Голос, который делает ставки на голос, который победит сегодня. Еще один любит фразу «Как же все это произошло?» И, уже знакомый, «за что за что за что».

Многоголосица, расщепление личности, неуправляемая шизофрения.

Я отказываюсь принимать реальность.

Просыпаюсь.

ОДНА.

Встаю. Никого. В ванной, в стаканчике зубная щетка. ОДНА. Твоя бритва не стоит на подзарядке. Вздрагиваю – включилась шкатулка автоматического завода часов. Ты ее так и не забрал. Этот звук... Он словно говорит: «Все нормально, все как всегда. Он здесь, он рядом».

А тебя нет.

Я возвращалась в кровать, легла на твою половину. Хотя это уже была просто кровать, где не было «наших половин». Засыпала. Надеюсь проснуться в «правильной реальности».

Так длилось наверное месяца два после того, как ты ушел. Месяц я вообще не могла встать с кровати. Низкая температура, слабость, торможение. Начала даже пить витамины для мозга, потому что ничего не могла запомнить, не могла из двух фраз вывести третью. По растопыренным пальцам руки понимала, что перечисляла что-то. В этот период мозг не может обрабатывать информацию. Сотрясение мозга. В прямом смысле слова. То, что было доступно до этого момента, просто забрали.

Начиналась зима.

Ненавижу зиму.

Теперь я ненавижу зиму!!!

Холодно, голо, тьма тьма тьма.

Сердце словно открылось мировой боли. Все песни были про меня. Все надрывное, острое. Все, где вспаханность кровоточащей души, густого яда, выданного из разбитого сердца – все обо мне.

«Сколько в моей жизни было этих самолетов никогда не угадаешь»

«Я люблю того, кто не придет»

«Падал теплый снег»

На репите, круглосуточно, в разодранные глаза, в крик, в вой.

И все внутри.

Потому что ты сказал: «Давай никому не будем говорить. Просто проживем какое-то время раздельно».

!!!

А я и правда старалась делать вид, что все в порядке. Расставляла вещи так, чтобы тебе было удобно. Готовила еду на двоих. Рассказывала знакомым, как у тебя дела. Продолжала носить обручальное кольцо. О, этот мнимый хранитель иллюзий!

Сейчас я знаю, как это называется, а тогда я жила, словно ничего не изменилось. Ничего не изменилось. Ничего не изменилось.

Вчера заходила к соседям. Приятная семейная пара, лет двенадцать вместе. За столом часто говорили о пятилетнем сынишке, жена, в основном говорила. И какой он непоседа, и что они начали учить французский. Показали его комнату, обычная мальчишеская комната, плакат с «человеком-пауком», раскрытые книжки со сказками, штанишки на стуле.

Сегодня я зашла к ним снова, дома был только муж. Предложила учить пацана французскому, бесплатно – хороший повод вспомнить язык. А муж, пряча глаза, сказал, что их сын утонул. Год назад. И жена это знает.

Но не готова с этим жить.

Не готова жить...

А как же комната? Зачем? Плакат? Штанишки?

Мумификация. Так психологи называют эту стадию потери. Когда делаешь вид, что ничего не изменилось. Застыло. Не трогаешь вещи. Говоришь о человеке в настоящем времени. Создаешь мумию из останков: вещей, рисунков, смс. Когда комфортнее жить с мумией, жить с мертвым, чем без.

Мумификация. Я тоже не знала, что так бывает. Как и многое из того, что связано с болью.

Сегодня я по привычке спешила домой. Первый снег, первый лед. Поскользнулась. Упала. Больно. А потом подумала, Господи, а куда я спешу? К кому?

Так не может больше продолжаться. Не должно. Не должно!!!

Уехала к маме. Не знаю, почему. Чего я ждала?

Открыла дверь, показная радость. Похудела сильно. Катя с Дашей. Сестры. Не могу их сестрами называть, росли без меня, не зная меня. В то время как я думала, чем виновата... Чем виновата, что мама ушла, почему мама не любит меня? У детей ведь просто – все из-за них, все. Если мама ушла значит в том их вина...

Мама суетилась, наигрывала. Достала из холодильника колбасу, сало, сделала бутерброд с маслом. Толстый такой кусок... И в глаза все время норовила заглянуть. Заполняла тишину словесным потоком – про Катькин садик, Дашину двойку, «а ты в детстве такой же непоседой была»...

Откуда знать-то тебе, мама?

Ты меня в три года у бабушки оставила. На время. Не обманула, время – понятие относительное.

Вторая стадия. Лечить можно. Нужно! Иначе... Нужны лекарства, обследования, химия... «Не думай, не думай, у меня все справки есть...»

Бухнула передо мной папкой. Да и раньше у тебя «все справки» были. И микрокредиты. И пирамиды.

Мама, мама...

Когда крутила в руках конфету, заметила, как загорелись у Кати глаза. Протянула ей конфету, а тут Даша. Даша в крик, Катя в слезы, а мама в этот момент решила сделать семейный портрет. Сестрички.

Гвалт, крики, плач. Одна конфета. Три сестры.

Кто виноват?

Успокаиваешь их.

Настоящая мама. Мама. Кто виноват, мама, что ДЛЯ МЕНЯ ты мамой не стала?

А теперь и для них можешь не успеть...

Дома тихо. Кому шуметь? Кричать? Бегать?

Тихо.

Шкатулка щелкнула, зажужжал механизм завода часов. Твоих. Которых нет.

Как и тебя. И Человека-Паука. И надежды.

Отключила. Вытащила из розетки.

Дрожали руки. Словно отключила аппарат искусственного жизнеобеспечения, который поддерживает надежду, что пациент проснется. Вернется.

Будет рядом ЖИВЫМ.

И все будет как прежде.

Нет.

Время смерти: 23.32.

Пациент мертв.

Я каждый день убиваю тебя. Я каждый день умираю вместе с тобой.

Это только кажется, что ушел только ты. Что больше нет тебя.

Все много хуже.

Сначала ушел ты. Не стало нашего настоящего.

Потом – будущего. Потом – прошлого.

Не стало нас. А потом не стало меня.

За что? В чем я виновата?

Мама прислала фото. Я, Даша, Катя. За секунду до драки.

Трое твоих дочерей.

И одна из них – сирота.

И никак этого не изменить.

Но для этих двоих... Разве виноваты они?..

...

Перевела маме деньги. Похоже, придется брать проект с продавцами электротехники. И переходить на продукты по акции. К чему деликатесы? Без тебя я не чувствую ничего. Не чувствую вкуса, не чувствую жизни.

Ни. Че. Го.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

– Хочешь, я тебе полижу?

Оу. Мне показалось, или мой новый знакомый действительно сказал это? Медленно перевожу на него глаза. Кажется, они существуют отдельно от головы. Громкая музыка, фосфоризирующие изображения Шивы и еще кого-то индийского на стенах.

Мой новый знакомый гладит меня по ноге. Я не чувствую ничего.

– Нет, – это правда мой голос? – не хочу.

– А почему?

А вот сейчас интересно, кто задал этот вопрос? Он? Или я? Действительно, а почему? Он молод, накачан, с чувством юмора. Я – молода, свободна и тоже с чувством юмора. Во всяком случае, была.

Свободна.

Н-да. Не так я себе представляла ощущения свободной женщины. Я тянусь за чаем.

– Ну как ты? – рядом со мной плюхается девочка в свободной одежде. Она берет меня за руку, заглядывает в глаза. И вообще так сильно вертится, что я никак не могу запомнить ее лицо. – О, чай! Чай это хорошо, чай разгоняет.

– М-м-не... – я пытаюсь проблеять слова, собрать деревянные кубики из букв, рассыпавшихся в голове, – холодно.

– Холодно, холодно, это нормально, – девочка продолжает растирать меня руками. – А хочешь жвачку?

Я сильно сжимаю челюсть, лицо словно в анестезии, и киваю головой. Мне дают подушечку жвачки, я сжимаю ее зубами и понимаю, что скорее сломаю зубы, чем смогу ее разгрызть.

– На, пожуй мою.

Я доверчиво открываю рот и жую чужую жвачку.

«Что за...?» «А почему ты отказалась?» «Почему мне так холодно?» «Что за лажа, где обещанный релакс?» «Кто все эти люди?» «Я не думала, что когда-либо буду заниматься такой херней»

Мне жарко, я скидываю с себя плед. Или это был чей-то свитер?

Устала. В тот вечер я поняла, что устала. Я так отчаянно пыталась сделать все, чтобы мне стало лучше, чтобы перестать плакать, выть и постоянно хотеть умереть, что устала. Ничего

не работало, ничего не помогало. Поэтому когда Дарина сказала: «Поехали загород, мои друзья устраивают вечеринку», я подумала, что это неплохая идея.

«Тут практически как в магазине, – деловито инструктировала меня Дарина, – говоришь, что хочешь, а она сама тебе все даст». «Что значит, что хочешь?» «Ну, например, ты хочешь всю ночь танцевать и чтобы тебе было весело. Или – в твоём случае, попроси гайку, чтобы тебе стало хорошо. Ты же хочешь, чтобы тебе стало хорошо?»

– Хорошо тебе? – а вот и та самая подруга. Они с Дариной только что занюхали кокаин за барной стойкой.

Плохо мне. Пиздец как плохо. И непонятно, как это исправлять. И как объяснить другим. Я так ненавижу тебя за то, что испытываю такие чувства. Что сейчас вместо того, чтобы лечь рядом на диване и обнять тебя, я нахожусь рядом с этими странными персонажами. Они улыбаются, они обнимают меня, гладят, приносят чай. Но я знаю, что они – наркоманы. И часть меня сопротивляется. Хотя и отмечает ироничность происходящего. Все бесплатно, наркопромо. Незнакомые наркоманы проявляют больше эмоционального участия, чем ты, чем мои настоящие друзья.

Кто более настоящий? Те, кого могу потрогать руками или те, о ком постоянно думаю?

Жарко, ужасно жарко. Я встаю с дивана, иду на улицу. Вспоминаю, что на улице минус одиннадцать, накидываю пуховик.

На улице хорошо. Смотрю на пар, идущий изо рта. На меня бросается собака, громко лая. Я вижу ее обнаженные десны, слышу, как когти царапают лед, но мне все равно. Она на цепи. Вроде. Я не вижу, не чувствую, я никогда ничего не почувствую.

Звезды. Выколоты тонкими иглами в черном воздушном шаре, в котором я болтаюсь. Сквозь дыры проходит холодный декабрьский воздух. Я не хочу жить.

Беру снег. Горячо.

Я закрываю глаза.

Никакого обещанного релакса и чувства «любви». Нет. Я чувствую, что никому не нужна. И – самое ужасное – я понимаю, что ужасно хочу к тебе. Хотя тебя и нет. Мираж. С таким же усердием можно было бы стремиться к могиле, чтобы посидеть рядом и поговорить.

Как же я хотела тогда посидеть с тобой рядом!!!

Мне казалось, я все так хорошо продумала. Когда ты сказал мне, что хочешь пожить отдельно, я сразу позвонила тем, кто мне не совет. Спросила, правильно ли я понимаю, что в переводе с ссыкливого-мужского на человеческий это означает: «Я ухожу»?

Ответ положительный.

Дернулась как от удара током.

Позвонила близким друзьям и психологу, перевела всех в режим 24/7. Запретила себе пить алкоголь. Отстригла волосы. Убирала твои вещи.

Человек склонен переоценивать свои силы. Тогда мне казалось, что я могу справиться, если подготовиться. Запастись припасами и оружием. Но это как выходить против медведя с рогаткой. Или на наддувном матрасе в девятибалльный шторм.

Часть меня понимала, ЧТО грядет. Словно стоишь на берегу моря, и вдруг – отошла вода. Оголились остовы затонувших лодок. Рыба забилась в агонии на песке. И до тебя доходит: ты не успеешь спастись. Идет волна, цунами, девятый вал.

Молись.

Помню последнюю ночь, когда мы спали вместе. Я обнимала тебя и надеялась, что ты передумаешь. Но вот наступило утро, ты встал и пошел в ванную. Я перекатилась на твою сторону кровати и обняла подушку. Я всегда так делала. Подушка пахла тобой. Ты подошел, достал зарядку для телефона из розетки, и перемотал ее шнуром. И тут я поняла, что это последний раз. Последний раз, когда я обнимаю твою подушку после того, как ты проснулся.

Я сначала решила не стирать наволочку. Потом поняла, что это глупо. Еще позже поняла, что это был последний раз, когда половина кровати была твоей. Теперь же просто кровать. Большая кровать, в которой я занимаю очень мало места, потому что лежу, свернувшись калачиком, как эмбрион. Оставленный умирать.

Я не могла встать. Из носа шла кровь. Меня тошнило от запаха еды.

Я обошла всех врачей и перепробовала все лекарства. Ничего. Становилось только хуже. Горло болело так, что я не могла глотать.

А ты даже не позвонил. Не написал.

Лекарства и еду мне завозили друзья и просто знакомые. Ты для всех был в «командировке».

Никто не мог понять, что со мной. Традиционные врачи вздыхали и говорили про слабый иммунитет и «что-то у вас с нервами». Что-то с нервами!!! Я вся была сплошной нерв!!!

«Почему у вас так плохо идет кровь?»

«Ну не знаю. Наверное сердце не работает».

Слушали сердце, и не слышали. Смотрели, а дыра там, зияющая дыра – с красно-мясными ошметками.

Восточные целители тыкали иголками, ставили банки и пиявок. На пятом сеансе полилась кровь.

«Отлично! – обрадовался корейский целитель, – пошло расслабление!»

А я помню лишь, как равнодушно смотрела на пальцы. Не чувствовала никакого расслабления. Ничего не чувствовала. Вообще все стало совершенно безразличным. Особенно физическая боль. Наверное от того, что эмоциональная боль была так сильна, что на ее фоне терялись все обследования, анализы, иголки. Даже те, которые целитель вставлял мне в лицо.

Анемия чувств. Я потеряла связь с собой. Словно наступила на мину, и меня разнесло на куски.

На КУСКИ:

Мысли.

Эмоции.

Тело.

Душа.

Все не связано, все не вместе. Все не я.

Как вернуться? Как снова собрать себя?

Начала даже наблюдать за собой, вести дневник.

Дневник ТЕЛА.

«Проснулась в два. Ела блинчики с творогом. Гуляла. Купалась в бассейне. Потом меня трахнули. Кончила. ТЕЛО кончилось. Плакала. Снова спала».

Как-то так. И наверное телу было неплохо. Но сигнал об этом не доходил до головы. Слишком далеко она была от места взрыва.

Жива я или мертва?

Мнения врачей расходились.

Консилиум? Надежды на выздоровление? Ну, ваши ставки?

Глаза в пол. Врачи дают рецепты, за надеждой ходят к другим специалистам. Тем, кто торгует надеждой.

Гадалки, экстрасенсы, тарологи, астрологи, нумерологи и прочие «логи».

И я пошла.

Никогда раньше не понимала, почему люди к ним ходят. Теперь знаю.

К ним идут тогда, когда ничего не помогло. Советы, лекарства, мольбы. Когда все сделал, и ничего не получилось. А раньше – получалось. Или у других – получается. А ты делаешь, делаешь, и ничего.

Убрала твои вещи. Все совместные фото. Загрузила себя работой. Спортом. Поменяла гардероб. Сменила стрижку. Накачала губы. Откачала бедра.

Столько внешних перемен, но не поменялось ничего.

Позитивные утверждения утром, контрастный душ вечером.

Ничего.

Практика благодарения и сальса-вечеринка.

Ничего.

Словно вычеркнули меня из мира живых, стерли, и там, где я должна быть, НИЧЕГО.

Специалисты по миру живых не помогли. Специалисты по миру мертвых?

Кто-то зажигает церковные свечи и внимательно смотрит в глаза. Кто-то высчитывает будущее по дате рождения. Кто-то считывает твой фантом (??), и входит в контакт с внутренним миром. Одна вообще назвала твое имя, НЕ ЗНАЯ ТВОЕГО ИМЕНИ!

– На вас наведена порча. На смерть.

– Нет, не вижу на вас порчи.

– Родовое проклятие, нужны расстановки.

– Что-то у вас корневая чakra выбита.

– У него есть женщина, вы знаете?

– Он вернется до Нового года.

– Он вернется, но вам это будет не надо.

– Нет, вы уже не будете вместе.

Ну, ваши ставки?

Мир мертвых тоже не помог.

Наверное, я меж миров. Никто и ничто, биомасса.

Как же плохо, когда тебя предают. Какая пресная жизнь без любви. По факту ты просто меня отсрочил. Как проблему. У меня сейчас разорвется сердце.

Что делать? Куклы вуду? Кормить голубей? Отмаливать предков? Что?

Все, что угодно. Лишь бы помогло. Я была готова делать все, что угодно. Мне все равно, от кого придет помощь – от врага или друга, от бога или дьявола.

Знаешь, как долго я ждала, что ты вернешься? Даже не так. Знаешь, как долго я ждала, что все вдруг станет как прежде? И что не будет этих страшных дней, ночей, недель и месяцев?

Я хотела просто лечь, закрыть глаза, открыть – и словно ничего не было. Увидеть, что ты рядом, что ты любишь меня. Что все, что было, просто дурной сон, болотная кома, сонный паралич.

Просто лечь, закрыть глаза.

«Вам надо дышать и ходить».

Дышать и ходить!!

Хотелось лечь, урветься, спать, не двигаться. НЕ дышать.

Но нельзя! Просто! Лежать!

Сказали, ходить. Двигаться. Пусть медленно, чуть-чуть, но каждый день. Прогулки, плавание. Простыми движениями перемалывать пространство.

Чем больше, тем лучше. Чем ДАЛЬШЕ, тем лучше. Не по «нашим» местам ходить, а везде. Без цели, маршрута, до мозолей. Хочешь, одна. Хочешь, с кем-то. Но главное, не говорить. С тобой могут говорить, но не должны ждать ответа. Слишком сложна сейчас социализация. Для социализации надо подстраиваться, улыбаться и все, что ты там привыкла делать,

чтобы быть «приятным собеседником». Сейчас у тебя нет сил для контроля мышц челюсти. Разреши себе не улыбаться, не реагировать на слова, не подстраиваться.

О, как мне не понравился этот совет! «Дышать и ходить».! Можно подумать, от этого что-то изменится! Делать надо! Куча дел! Планов! Иначе я не успею. Иначе я никогда.

Дышать и ходить.

Я что, инвалид??

«Дышать и ходить. Это все».

Я не сразу поняла, что действительно инвалид. Человек, потерявший привычный, обычный функционал. Человек с ограниченными возможностями. Какой человек вообще? Существо, потерявшее связь с реальностью и с собой.

Я ненавижу тебя за все это. За то, что мне пришлось тратить время и силы на то, чтобы тупо выжить. Не жить, а выживать. Тратить всю энергию на выживание, а не на жизнь.

Я нашла листочек с планами на год, которые написала до твоего ухода. Бумажка с каплями вина, я писала этот список летом, на веранде. Когда была полна сил, уверенности, когда была собой!!

- Ремонт в спальне – Прованс, ручная мебель
- Курсы кулинарии – десерты!!
- Большой – премьеры, опера – Верона
- С папой Пирата – гулять, решать кроссворды (узнать о реабилитации инсультников)
- Супер-пупер бизнес-проект на миллион долларов!!!
- Котенок?
- Сюрприз Пирату
- Книги по моде и дизайну
- Пирату – нового глав. буха
- Французский – Intermediaire-Superieur!

«Дышать и ходить».

Перечеркиваю список. Пишу сверху: «дышать и ходить». Это все, что я могу сделать сейчас.

Ты отбросил меня на зеро. И я ненавижу тебя за это.

Я могла летать. А сейчас вынуждена ползать. Делать первые шаги.

Кричу. От боли, от обиды, от слабости...

И все равно, часть меня еще верила, что ты... Что «МЫ» еще существуем. Я писала тебе смс-ки, спрашивая не «Как ты?», а «Как ты, любимый?». Я выслушивала твои рассказы про твой новый бизнес, и отвечала на вопрос, идет ли тебе новая рубашка. В которой ты пойдешь на свидание не со мной. И все равно, все равно, я как последняя мазохистка шла на встречи

с тобой. Мы шутили, и мне даже казалось, что иногда ты смотришь на меня добрыми, любящими, «теми» глазами...

А потом мы выходили из кафе, и ты говорил: «Ну, мне в другую сторону».

И снова слезы, будто сыпанули соли в глаза. Почему, почему ты все делаешь без меня? Почему ты меня выкинул, почему ты убил меня, почему почему почему???

Какая же тоска, невыносимая, злая жгуть, выедает, рвет, дерет... Как же крутит... Скучаю, мне не хватает тебя, как ты, вернешься ли ты?

Как люди вообще справляются с потерей любимого человека?? Я задавала этот вопрос всем, даже «друзьям» на вечеринке.

– Хочешь поговорить о разводе? – откликнулся один из парней, – я расскажу тебе о разводе.

Мы уходим в другую комнату, он дает мне еще одну таблетку, дает запить.

– Ну, ну, глотай. Тебе будет хорошо. Только так теперь и будет хорошо. Думала, уже никогда ничего не почувствуешь? Гайки не вредные. Какой от них вред? Они не обманывают, не бросают. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я уже год как развелся.

Он начинает раздеваться.

– Сначала адски плющило, как жена ушла. Спать не мог, есть не мог, друзья по очереди дежурили. А потом гаечки подобрали, и але-оп!

Мне жарко. Во мне почти три таблетки. Новичкам дают половину одной.

– Не парься, – говорит мне собеседник, раздевает меня.

Жарко.

– Тебе будет хорошо, – шепчет он мне и тянет в душ.

Мы голые под струями воды. Он намывает меня, приговаривая:

– Чувствуешь, как хорошо? Чувствуешь воду, пузырьки?

Я не чувствую ничего.

Механически фиксирую, что он молод, у него красивое тело и отличная эрекция. Нестерпимо сладкая жвачка. Холодно. Во рту ожог от горячего чая.

– Не надо париться, давай лучше пороться, – он вкладывает мне в руки член.

– Хороший ты парень, – говорю я и пожимаю член, словно в рукопожатии.

Выхожу из душа. Я отчаянно хочу к тебе в этот момент.

– Дура! – кричит мне вслед. – Без них не сможешь!

Не смогу. Не могу. Без ТЕБЯ – не могу.

Ненавижу тебя за то, что без тебя – не могу.

Верить не могу. Верить – после такого – быть дурой. Ненавижу быть дурой.

Хочу, чтобы стерлось все, весь этот невыносимый, черный год. Хочу, чтобы ты меня обнял. Чтобы поцеловал запястье, пальцы. Чтобы сказал: «Пчелка, я люблю тебя».

Хочу к тебе. К тому, кого больше нет.

Господи, не помогает ничего, Господи, ты оставил меня. Это просто черная дыра, воронка пиздеца.

Помнишь, как я звонила тебе и рассказывала, сколько заданий мне давала гадалка, чтобы исправить происходящий пиздец?.. И вот полночь, я рассыпаю соль на перекрестке. Меня накрывает бред происходящего, я звоню тебе и говорю, что я делаю все это для нас, чтобы исправить происходящий пиздец, но чувствую себя жалкой дурой. Помню прямо дословно – жалкой дурой. Дурой без надежды.

А ты еще сказал, что «не надо так говорить, время покажет».

А ведь ты уже знал. ЗНАЛ!!! Что не вернешься, что все бесполезно, смешно. Знал!!! Что я веду себя как жалкая дура.

Ненавижу тебя за то, что сделал меня такой. Ненавижу за то, что не могу.

А все, что могу, дура.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

Потеплело. Бренчит капель. Скользко. Только рассвело, выключили фонари. Девочка лет восьми с мамой на светофоре. Мама в шикарном белом пальто, у нее звонит телефон. Отпускает руку, достает телефон. Зеленый свет, девочка выбегает на пешеходный переход и ее сносит джип. Стоп-кадр. Звук с отставанием.

Глухой удар. Не вырвавшийся крик матери. Раскрытые в ужасе глаза прохожих. Хруст проломившейся грудной клетки. Три тона по костям. Кровавые следы шин по грязному снегу.

Девочка еще жива.

К ней подбегает мать и случайные свидетели.

– Держись!

Девочку хлопают по плечу. Она кричит от боли.

– Ну, ну, будь сильной.

Девочка продолжает кричать. Ее лицо – сплошная кровавая каша, не понятно, это слезы или кровь.

Прохожие хмурятся. Мать прикрикивает:

– Давай же, соберись!

Люди переговариваются: «И чего разлеглась, машины проехать не могут», «У многих и посложнее ситуация в жизни», «В Африке так вообще дети голодают, а тут всего лишь джип переехал».

Грузная тетка с тележкой подходит совсем близко к девочке. Она, кажется, плохо видит и слышит. Поэтому наклоняется и громко произносит:

– Вставай! Как тебе не стыдно! Посмотри, ты и так маме белое пальто кровью запачкала!

Бред, да?

А ведь именно так себя и вело большинство людей. Разница лишь в том, что в моем случае боль была эмоциональная. Не видимая человеческому глазу. И все, больше нет разницы.

А ты, конечно, молодец. Поступил не только как подлец, но и трус. Уехал, вынудив меня первой сообщать общим знакомым, что мы расстались. Ненавижу тебя и за это тоже. Ты хоть понимаешь, как жестоко ты поступил? Ты хоть понимаешь, что говоря фразу «мы разошлись», я начинала рыдать?

Людям нравится верить, что они хорошие и добрые. Но когда вдруг они видели, что дежурные фразы типа «Держись» и «Ты – сильная», не работают, хмурились. Злились даже.

Реально не понимали, что поддержка такого рода может сработать, только когда птичка накакала на пиджак.

«Держись».

«Ты сильная».

Что это вообще? Кому помогают такие фразы? Культуристам на соревнованиях?

«Соберись».

И правда, чего это я?

«Ты не можешь говорить ни о чем другом».

А я смотрю на смс тебе.

«в воскресенье я меньше всего понимаю, какой смысл жить дальше. мои друзья веселятся и подбадривают, думая, что у меня хандра и все пройдет. ко мне никто не приехал сегодня, хотя я просила, мне реально важно, чтобы меня держали за руку, мне кажется, что еще немного и я уже не смогу вспомнить ничего хорошего из своей жизни. наверное бог отвернулся от меня».

Палец на кнопке «Отправить». Я кусаю губы, я говорю вслух: «Я сильнее, чем кажусь. Я сильнее, чем кажусь. Я сильнее чем кажусь, я сильнее чем кажусь, я сильнее чем кажусь».

Прямо сейчас мне кажется, что отрезать палец легче, чем не нажать им на кнопку «Отправить».

Я сильнее, чем кажусь?

Ищу людей, человеческого контакта, понимания.

«Нет, мы тебя на вечеринку не возьмем. Зачем нам конкуренция?))»

Я не тех людей принимаю за людей.

Мне казалось, я переношу депрессию на ногах, так же как многие переносят грипп. Я много пыталась делать из того, что «надо делать», но меня не покидало ощущение, что я ношу на ногах свой будущий труп. Why bother? Из-за чего напрягаться?

«Слушай, хватит грузиться. Люди, вон, руки-ноги теряют и живут».

По-хуй.

Мне похуй.

И мне не стыдно.

Когда человек переживает Боль, ему, честно говоря, посрать на других. Боль не может уменьшиться от осознания, что кому-то больнее.

Когда ты в центре боли, ты не можешь думать ни о чем, кроме этой боли. Боль в тебе, боль заглатывает тебя, сливается с тобой. Становится **ТОБОЙ**.

«Все будет хорошо».

За эту фразу хочется убивать.

За фразу «многим хуже» хочется убивать медленно и мучительно.

Я хожу словно пьяной, контуженной, телом обстукиваю стены. Как зомби. Меня постоянно толкают в метро. Ватное тело, не мое, я не владею им, я вообще «не в себе». Очень правильное описание. Душа словно отказывается влетать в тело. Потому что ей не нравится, **ЧТО** это тело теперь окружает. Не нравится, **ЧТО** это тело чувствует.

Да и в душе солнца нет даже лучом.

«А ты хорошо выглядишь».

Людам важно видеть, **ВИДЕТЬ**, что тебе больно. Кровища, торчащие кости, темные круги под глазами, разорванная одежда. Да черт его знает, **ЧТО** у них в голове! Бухаешь? Значит, страдаешь. Похудела на двадцать кило. **ВООБЩЕ СТРАДАЕШЬ**.

«Ты хорошо выглядишь».

Что это? Эмоциональная глухота? Мечь? Желание добить?

Не, не видно, а раз не видно, значит этого нет. Убогая логика. Это сейчас я понимаю, что те, кто никогда не терял, кто не переживал потерю, просто не **ПОНИМАЕТ**, что это такое. Как если бы человек рассказывал, каково это – быть на Луне. Или быть человеком другого пола. Такие представления будут полны иллюзий. И штампов. И ничего похожего не иметь с реальностью.

Безразличие. Недальновидность. Веселая жестокость.

Многие боятся даже думать, что в этой жизни возможна такая боль. Они боятся ее, отрицают ее, отрицают тебя. Играются в фантазию «А я бы на твоём месте». И конечно рисуют образ супер-героя, они же могут, они в ресурсе. И даже искренне могут говорить тебе «соберись!», только они всегда упускают из вида то, что говорят с больным человеком. Человеком с болью. С человеком-болью. Отворачивают лицо от всего, что может нарушить их идеальную картину реальности, где все хорошо и все – молодцы.

А кто не молодец, тот сам виноват. Не собрался? Вычеркиваем.

Религия успешности. Всех больных, поломанных – на костер, в братскую могилу, в забвение. Мы, такие классные и сильные, здесь. А остальные – там.

В безысходности, тьме, бессмысленности.

Где каждая мысль – как лезвие, как иголка, протыкающая кожу. Тебе больно, ты плачешь, кругом кривица, ты кричишь. Но ты одна. И никто не придет. И чуда не будет.

Я все-таки отправила тебе то смс. **ОТПРАВИЛА.**

Ну что за безволие... Что за глупость...

Ты не ответил. Я никогда не прощу тебе этого. Что ты оставил меня один на один с этой болью, с людьми, которые не могли помочь.

Те, кто не проходил этот путь, не может понять.

А тот, кто прошел, понимает без слов.

Это как тюрьма, смерть, война, «горячая точка». Трансформационный опыт, меняющий тебя навсегда.

Поймет только тот, кто проживал. «Болел». «Воевал». Любил. Терял. Менялся.

«Ветераны». Я благодарна Богу, что мне встретились эти люди.

Они просто берут твои руки в свои. И говорят: «Тебе больно. Это нормально».

Ветераны не скажут, «все будет хорошо». Они помнят, как их бесили эти слова. Они знают, что **НЕ БУДЕТ ВСЕ ХОРОШО**. Что сейчас больно. И будет больно. И так будет долго.

«Почему ты сразу мне не сказала? Я бы приехала к тебе жить». И это мне сказала даже не близкая подруга. А человек, который прошел расставание и помнит, как страшно оставаться дома одной. Когда открываешь окно и прикидываешь, убьешься ли, когда спрыгнешь. Заметь, не «если», а «когда». И мозг все фильтрует бесстрастно, очень технично. «Деревья. Можно зацепиться за ветки и покалечиться».

А задача не в том, чтобы сделать еще больнее. А в том, чтобы просто.

Остановить.

Боль.

Ты совершенно перестал понимать меня. И даже не хочешь понимать меня. Я ненавижу твои равнодушные глаза! Такие пустые, такие холодные! Я не могу смотреть на наши фотографии, потому что там... Потому что там ты смотришь на меня, на МЕНЯ, с любовью! А сейчас? Кто ты? Что ты? Кто похитил тебя из тела? Кто забрал тебя у меня? Ты даже не спрашиваешь, как я. А когда я говорю тебе, что не вижу смысла жить дальше, равнодушно сливаешь тему. Проверяешь телефон. Молчишь. Не отвечаешь на смс. Словно тебе все равно. А тебе ведь и действительно все равно. Ты просто взял и вычеркнул меня из своей жизни. И из жизни вообще. Я не знаю, как это объяснить, но я словно потеряла все ориентиры. Словно при попытке загрузить компьютер не найден «системный файл». Я не знаю теперь, что хорошо,

а что плохо. Что черное, а что белое. Я не понимаю, кто ты, и не понимаю, кто я. И тем более я не понимаю, как дальше жить и главное – зачем?

А еще я ненавижу тебя за то, что это так долго. Что невозможно усилием мысли или воли решить, что оп! Я живу новой жизнью! Причем не просто новой, а классной и счастливой. Нет, постоянно засасывает назад. Повторяю мантрой «все хорошо, все хорошо, все хорошо», и плачу, и слезы смывают только что нанесенную косметику. И так несколько раз за день.

Не думаю, что у тебя так же. Ты так радостно ускакал в новую жизнь, открыл новый бизнес, погрузился в «решение вопросов», новый офис, визитки, будущее... Тот самый бизнес, в который я не верила, и сейчас, словно назло... Ты занят решением новых вопросов – куда поехать, какие вещи прикупить, с кем встретиться. У тебя так много желанного в будущем! Столько же, сколько у меня в прошлом. Я ненавижу тебя за то, что ты развернул меня спиной к будущему. И не просто развернул, а дал пинка под зад. Чтобы я скатилась, упала, начинала не с той точки, где была, а откатилась на десять лет назад. С морщинами и с энергией 80-летнего человека.

«Ветераны» говорят мне перестать думать о тебе, о «старом» тебе. Прокричаться, подражаться, все что угодно, лишь бы выпустить из себя... Даже не знаю, ЧТО. А я ношу комок мыслей, крика, смыслов, не могу извергнуть из себя. Это мертво, но мне важно. И хотя это отравляет меня, я держусь. Потому что кажется, что если я, Я назову тебя... сукой, гадом, подлецом, козлом, уродом, предателем, я окончательно изменю смыслы. Смысловую реальность. Превращу девять лет нашей жизни в дерьмо.

Я ведь все еще называю тебя «любимый», в моем телефоне ты все еще «Медведь-Пират».

А я наверное дура.

Знаешь, сколько раз я раскачивалась на ногах в метро, прикидывая, как сильно нужно оттолкнуться, чтобы прыгнуть под поезд? А пару раз, знаешь, кто-то из пассажиров просто вставал передо мной и рельсами, и кровь отходила от лица, и шумно кто-то бился подушками в голове.

«Ветераны» не только признают реальность твоей боли, и честно предупреждают, что это надолго. Надолго. Но не навсегда.

Они знают, что БОЛЬ КОНЕЧНА.

Конечна... После долгих месяцев боли эта мысль кажется спасительной.

«Все проходит».

Раньше я эту фразу применяла к позитивным событиям в моей жизни, как напоминание о том, что нужно быть благодарной за каждую минуту счастья. И тогда эта фраза была скорее пугалом, криком ворона, холодным ветром в жаркий день. Но та же фраза применительно к боли – освобождает. Дает надежду.

Тяжело осознать, что конечная станция слишком далеко. Что едешь по шпалам со звуком «пиз» и «дец». И ехать еще далеко. Словно ты на втором километре. И понимаешь, что идешь

по Дороге Боли, у тебя нет возможности повернуть назад (там еще хуже), у тебя нет многих знаний, умений, инструментов и помощников, которые у тебя были. И тебе предстоит встретить еще пиздец и маленькую горку, столкнуться со своими Страхами и прочими неприятными существами. И ты злишься от того, что ты вообще не хотела по этой дороге идти и вообще у тебя другие дела. А еще ты злишься от того, что ты на втором километре. А пройти надо десять. Или сто. Да еще и неизвестно, ЧТО будет дальше.

Ты идешь по Дороге Боли, идешь, идешь... И только таким образом ты ее победишь.

В теории.

Я живу без кожи. От мяуканья котенка слезы на глазах. От рассказа случайного собеседника, в котором он упомянет про выкидыш жены и последующий развод, накрывает боль. Его боль, его бывшей жены. Боль просочится через обломки моей души и я соединюсь с каким-то общим Вселенским чувством горя. Он положит мне руку на коленку, мне станет ломко и обидно до противоположного. Почему столько людей живет в боли? Почему люди такие несчастливые? Почему люди сами себя делают такими несчастными?

Тяжелым открытием было, что боль не линейна, и что она живет и функционирует волнами, по спирали, накрывая с головой и возя лицом по песку.

Каждое утро начинается заново.

Просьпаешься, и чувствуешь, что ты на ДНЕ. Как болванчик с немигающими глазами. Надо вставать, идти в душ, делать какие-то дела. А все равно. Потому что в голове вопль.

Крик.

Крик.

Крик.

Падение в пропасть.

Снова.

Тело болит так будто по нему прошел танк. Ужасно долго засыпала, кажется, заснула только под утро. Аппетита нет. Шевелиться не хочется.

Доброе утро.

Как же много мыслей думает мозг. Причем моделируя то, чего не было и не будет никогда. Не важно, что ты спишь. Мысли словно тараканы – при внезапно включенном свете – бросаются врассыпную. Но, ах! Я все слышала! Я чувствовала ваши лапки внутри черепа.

Вопросы, вопросы, вопросы...

Что пошло не так? Какую я допустила ошибку? Не поддержала твой новый бизнес? Слишком много работала? Не смогла родить тебе ребенка? Быстро и просто?

ПОЧЕМУ???

Мозг роется в помойках памяти как бомж. Если душа улетела, а обратная связь с телом так и не наладилась, то да. Мозг – бомж, без определенного места жительства. Пытается собрать дом из картонок, ржавого чайника и прочих непригодных вещей...

И даже не грустно, нет. Это ТОСКА. В душе разливается ТОСКА. Ядом. Шаг назад, прыжок. Прыжок с моста.

«Я не чувствую себя нужной никому, я не вижу смысла жить, мне кажется, что все в моей жизни было зря, что я не умею любить и недостойна быть любимой, и что последние девять лет моей жизни оказались нулем. И все ноль».

Зачем я пишу тебе?

Я пишу, потому что мне говорили, будет легче. Что смогу простить и отпустить.

Хуйня.

Все – ноль.

В веках – слезный отек.

Я встаю, мою тело, вливаю в него кофе. Кажется, сейчас три часа дня. Мне надо увидеться с тобой. Я крашу лицо. Я не знаю чьи это потухшие глаза, которые раньше были зелеными. Не знаю, чьи губы, которые раньше были в улыбке. Не знаю чьи это волосы, которые раньше были воздушными и золотыми. Не знаю, но крашу, так принято.

Собираю в пакет твои вещи.

Мы встречаемся, у меня дрожит тело. Ноги как бумажная гармошка. Дрожат даже щеки. Мое тело понимает, что я рядом с источником боли. Тело! А я все еще нет...

– Давай я дам тебе денег, а квартиры оставляю себе.

– Мне нужна прописка в этом городе.

Молчишь.

– Ну.. я могу оставить тебе прописку.

– И выписать в любой момент.

– Ты мне не веришь?

– Я верила тебе девять лет.

Кидаешь деньги, уходишь.

Забываешь пакет. Или оставляешь специально?

Ухожу. Иду по улице, честно по принципу «дышать и ходить». Не важно, что два часа ночи. Купила твоих сигарет. Ну и что, что я не курю.

Иду и думаю о том, что закрою одеялами окна и щели в дверях. Одно одеяло постелю на пол. Поставлю «Реквием по мечте» на репит. Открою газ.

Резать вены – очень романтизированная история. Ведь перед смертью расслабляется сфинктер, и в кровавой ванне находят не бледную прекрасную деву, а плавающее дерьмо.

С повешением и того хуже. И шею ломает, и язык синий, глаза на выкате, сфинктер опять же... Да и где вешаться-то? Весь мир в натяжном потолке...

Пистолета нет.

Таблетки? Не знаю, какие. Да и судороги... А если недотравишься, то психушка, искусственный желудок, ходить с пакетом, не.

С пакетом. С пакетом твоих вещей хожу же.

Остановилась. Закурила. Словно прикоснулась к твоим губам. Никотиновый поцелуй, взасос, взатыг.

– Слышь, сука.

О, отлично.

Передо мной какой-то хмырь, в руках у него что? Нож? Так даже лучше.

– Пакет давай.

Смотрю в глаза ночному собеседнику. Протягиваю ему пакет.

– Ну?

Нож дрожит в руке.

Смотрю.

Он пятится.

– Ну нахуй.

Он крестится (почему?) и перебегает на другую сторону дороги.

Дно.

Наверное, можно найти и в этом что-то позитивное. Например, то, что от дна можно оттолкнуться. Что ниже не упадешь, да? Что завтра будет лучше, чем вчера?

Я все еще стою. Дождь. Легкий и ленивый, не долетает до земли, висит в воздухе. Словно мокрая паутина. Ловящая отблески желто-оранжевых огней и аварийных сигналов.

Б Е З Д Н А

Граффити на стене дома.

Именно так, через пробел. И я впервые поняла, УВИДЕЛА это слово. Дна нет. Возможности оттолкнуться – нет.

Без вариантов.

Без-дна.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

Голоса, обрывочные фразы, эхом, как лесные перекрики. Ситцевый халатик с завязками на спине, мои босые пятки прилипают к линолеуму. По коридору навстречу идет бабища в застиранном до серого халате. В ее руках огромный таз, из него вылетают капли. Я думаю: «Ну как так неаккуратно можно идти?» Она подходит ближе, я вижу, что таз полон крови, до самых краев. И именно кровь расплескалась по всему коридору.

– Что ты несёшь? – от ужаса мои губы еле шевелятся.

Баба останавливается, словно только заметив меня. Пару секунд ее глаза фокусируются на мне.

– Что ты несёшь? – повторяю я.

– Килограммы нерожденных детей.

В её голосе нет надлома, просто констатация факта. Словно она несет на помойку сломавшийся стул.

Я слышу детские крики, плач, смех. Сопение, гуление, словно кто-то включил саундтрек фильма, но самого фильма нет. Призрачные, невозможные, никогдашние звуки. Не этого мира, точнее этого мира, но не соединившегося с нашим... Есть ли там, среди выскребков, мой.. ребёнок? Или он растворился среди других?

Килограммы. Нерожденных. Детей. Белковая масса.

Баба двигается дальше. Останавливается. И буднично констатирует:

– Работа такая.

Просьпаюсь. Таз у кровати. Обычный таз, пустой. Меня тошнит. Только тошнить нечем. Вот если бы можно было вытошнить сны...

Моя жизнь вне сознания, в ПОДСознании, снах.

Я не хочу думать о том, что... Я не хочу видеть, что...

Но я не могу контролировать сны.

Знаешь, я ведь сейчас поняла, что могу никогда не стать мамой.

Ты – мужчина, МУЖЧИНА!!! Тебе легко, ты можешь стать отцом хоть в семьдесят лет. А я сижу и думаю об этих пресловутых «биологических часах», которые «тикают».

Как на бомбе. Природный терроризм.

У меня никогда не будет детей. Умру пустоцветом. Проживу за так, не продлю род, не оставлю ничего после смерти.

Ты оставил меня в том возрасте, когда рожать уже нужно срочно. Когда качество яйцеклеток стремительно падает, и каждый врач, КАЖДЫЙ ВРАЧ старательно глядя в бумажки задает вопрос «Ну чего же вы раньше этим не занимались?» А новые знакомые мужчины вообще будут спрашивать: «Девять лет? И нет детей? А почему же вы были вместе так долго?»

Не занимались... Откуда им знать?

Я буду думать, как бы ответить, чтобы это не звучало так ужасно банально, как это всегда звучит. «Некогда? Карьера? Дела?»

Когда меряешь жизнь критериями вечности и смысла, все ответы кажутся ненастоящими.

А теперь... А что теперь?

Только сейчас я понимаю, почему некоторые женщины заводят детей «для себя». Потому что страшно. Страшно ничего не оставить после себя. Жить, ЗНАЯ, что после смерти не останется ничего. Знать, что жизнь не несет смысла. Что можешь прожить, будучи никому не нужной, не любящей и не любимой.

Ты даже не можешь представить, насколько это страшные мысли!

Ты – мужчина!!! Мужчина спокойно может заниматься карьерой, самоутверждаться и самореализовываться за счет профессиональных достижений. Мужчина ДЕЛАЕТ детей, а не вынашивает.

Для мужчины дети вообще не связаны с его «биологическими часами». А у женщины НЕТ ВЫБОРА. Каждая женщина сталкивается с тем, что «пора».

А если женщина не может зачать, она обязательно подумает о том, что никогда не станет мамой. Обязательно подумает, что с ней что-то «не так».

Задумайся просто, как бы ты планировал жизнь вокруг того, что спланировать НЕВОЗМОЖНО, но «НАДО» в определенный период жизни? А если бы у тебя не было любимой женщины? А если бы это решение влияло на твое здоровье и карьеру?

Я ненавижу пошлость, но мысль о «лучших отданных годах» не покидает меня. Неужели я неправильно распорядилась ими?

Ведь нам было хорошо друг с другом, мы были счастливы... Почему мы не завели детей?

Потому что не торопились в принципе, мы же знали, что всегда будем друг с другом.

Всю жизнь.

Ага.

– Конечно, мы можем сделать забор яйцеклеток. Только для этого нужна стимуляция.

– Стимуляция?

– Ну да, уколы делаются. Только стимуляция может спровоцировать рак. Даже если у вас нет предрасположенности.

– Отлично. Еще какие особенности?

Я, кажется, покачиваюсь на стуле. Врач внимательно смотрит на меня. А я смотрю на жалюзи, которые колышет ветер. Приятный ветер, там за окном солнце, с улицы слышны детские крики. Хоккей.

Я наивно полагала, что вопрос деторождения можно как-то решить. Двадцать первый век, как-никак. Пойти, заморозить яйцеклетки, пока качественные, а там уже разбираться по ходу дела. Бизнес-подход, все как в проектном управлении. Траблшутинг, все дела.

– Потом мы делаем забор. Отбираем качественные яйцеклетки. Может потребоваться несколько стимуляций.

– То есть снова риск рака?

– Конечно.

– И вы мне сказали стоимость за...?

– Да, за каждую стимуляцию.

Офигеть. Женщина рискует здоровьем, отдает кучу денег, а на выходе получает результат, стремящийся к нулю?? Мне даже стало интересно, мужчины в принципе понимают, через ЧТО проходит женщина, когда делает все это? Столько слышала стонов о том, как сложно пойти сдать сперму! А то, что женщина – обследуется, обкалывается, рискует заболеть раком, потом ей делают подсадку, она молится, чтобы все подсадилось, лежит на сохранении, а потом еще и теряет ребенка!!! А мужчины серьезно сравнивают это с дрочкой в баночку???

– Феноменально. Отдать миллион за то, чтобы повисить риск рака, а на выходе... какой, Вы сказали, процент разморозки?

– Около десяти процентов. Дальше еще их оплодотворить надо, и там тоже не все...

– А процент вынашиваемости?

Врач молчит.

– Я имею в виду, чтобы родился ребенок.

– Вы же понимаете, что подсадка оплодотворенной яйцеклетки может быть не успешной?

– Сколько. Рождается. Детей?

Врач стучит ручкой по столу, закрывает мою карту.

– Крайне мало.

Ты понял, да?

– Процент оплодотворенных яйцеклеток выше – около сорока, даже шестидесяти процентов.

Оплодотворенных.

– Может, у вас есть какой-нибудь мужчина. Может быть, просто знакомый. Может быть, женатый...

??!

– Подумайте. Это может быть ваш последний шанс.

Сорок-шестьдесят процентов для оплодотворенных яйцеклеток...

«Это как-нибудь без меня».

Я не могу простить тебе этих слов. Да, я рассказала тебе о своем походе к врачу. Зачем? Это сейчас я понимаю, что не надо было этого делать. Но тогда, тогда я тебя даже проклинать не могла, потому что ощущала частью себя.

«Это как-нибудь без меня».

А мне? МНЕ что делать???

Хотя тебя этот вопрос давно не интересует.

Ты вообще не тратишь усилий на то, чтобы смягчать свои слова. Словно тебе доставляет удовольствие со мной так разговаривать.

«За что ты так со мной?»

Недоуменно смотришь. Даже не так, ПОКАЗАТЕЛЬНО недоуменно смотришь. Потому что все понимаешь.

Ты забыл про меня, у тебя новая жизнь, и ты очень нравишься сам себе. Только встречи со мной тебе не нравятся.

Я – живое напоминание, что ты – мудака. Напоминание, что ты повел себя по-мудацки. Видишь, я все еще подбираю слова, чтобы тебя не обидеть. Даже в письме, которое ты никогда не увидишь.

Когда количество переходит в качество? Когда количество мудацких поступков делает из мужчины мудака?

И вот ты смотришь на меня, опять показательно недоуменно. А потом говоришь: «Я не понимаю, о чем ты. Кстати, как тебе этот пиджак? Хорошо сидит?»

И пока спрашиваешь, ты смотришь в телефон. И по твоей улыбке я понимаю, что ты переписываешься с женщиной.

«Хорошо сидит».

Ты не слышишь.

«Слушай, а когда женщина пишет пять сообщений подряд, чего она хочет?»

Криво улыбаюсь. Ты не понимаешь, что обсуждать со мной твоих баб это то же самое, как если бы я сама себе вырезала аппендикс?

«Прости, я сейчас должен уйти, у меня встреча сдвинулась».

Давай-давай. Иди.

Еби других женщин.

«Что ты решила насчет квартир?»

«Ничего не поменялось».

«Я тебя услышал».

Уходишь. Мне приносят чай. Я смотрю, как в стеклянном чайнике танцуют чайники. Свеча греет воду, она становится все темнее. Мне кажется, что мое тело и есть этот чайник, душа – вода, а чайники – мысли. И от этих мыслей моя душа чернеет и чернеет.

Я со многим могу справиться, многое сделать, но вот эта тоска, уныние, вой – как яд. Словно вместо крови по организму растекается яд.

Просто хуево. Несмотря на все приседания, позитивное мышление, сон и еду.

Листаю фото, случайно натыкаюсь на нашу фотографию. Глюк? Я же все удаляла... Мы смеемся. Отдых в Италии, деревенька на озере Комо. Мы гуляли по мощеным улочкам, задирали голову, разглядывая цветочные горшки на подоконниках. Мелкий дождь, перерастающий в грозу, мы успеваем забежать в маленькое кафе с выбеленными стенами и горящими свечами. Чинный официант приносит меню на итальянском, не понятно ни черта, мы выбираем блюда друг другу наугад, ты решаешь сделать «последнее» фото на случай, если нас отравят. Я целую тебя, ты смеешься.

Твои глаза. Твои любящие. Такие красивые. Такие счастливые. Такие любимые глаза.

Я бы все сделала, чтобы ты снова так смотрел на меня.

Все.

Но ты больше не смотришь на меня. Я не могу простить тебе это равнодушие. Не могу простить пустые глаза, которые даже не задерживаются на мне, когда мы разговариваем. Я хочу достучаться до тебя, просто чтобы ты понял, хотя бы просто ПОНЯЛ, как больно ты мне сделал.

Ты же отговариваешься общими фразами «не на улицу тебя выгоняю», «я же даю тебе деньги». Интересно, согласился бы ты, чтобы тебя сбросили с крыши пятнадцатипятиэтажного дома, а ты бы приземлился на тонких слой денежных знаков? Как думаешь, ЗНАНИЕ, что ты лежишь на деньгах для твоего лечения, облегчило бы твою боль?

Все это время я не могу понять, за что. За что ты так со мной поступил? Миллион раз я возвращалась к тому, что произошло, и миллион же раз не находила ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.